

Министерство просвещения РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени В. И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

ГОРЛАНОВ ГЕННАДИЙ ЕЛИЗАРОВИЧ

ПОЭЗИЯ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

10.01.02 — советская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 1973

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени В.И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

ГОРЛАНОВ Геннадий Елизарович

ПОЭЗИЯ ВАСИЛИЯ ФЁДОРОВА

Диссертация написана на русском языке
Ю. 01. 02. - советская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва - 1973

РАБОТА ВЫПОЛНЕНА В МОСКОВСКОМ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ им. В.И.ЛЕНИНА

Научный руководитель -
доктор филологических наук, профессор Ф.Х.ВЛАСОВ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Доктор филологических наук В.В.ГОРБУНОВ
Кандидат филологических
наук, доцент С.П.КОШЕЧКИН

Ведущее высшее учебное заведение - Московский госу-
дарственный институт культуры

Автореферат разослан "5" *декабря* 1972 г.

Защита диссертации состоится "5" *марта* 1973 г. в 4 ч.
на заседании Совета по присуждению учёных степеней секции
литературоведения факультета русского языка и литературы
Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного
Знамени государственного педагогического института имени
В.И.Ленина, Москва, Малая Пироговская, д.1.

Отзывы направлять по адресу: Москва, Г - 435, Малая
Пироговская, Д.1, МГПИ им. В.И.Ленина, научная часть.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке инсти-
тута.

УЧЁНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА

Творчество советского поэта Василия Дмитриевича Фёдорова — значительное явление в культурной жизни нашей страны. Его неустанные творческие поиски, обогатившие поэзию своеобразным поэтическим опытом, определяют уровень развития современной литературы, отражают идейное и эстетическое богатство нашего общества. Произведения его стали неотъемлемой частью истории советской литературы, их значимость и популярность ныне таковы, что они вошли в школьные хрестоматии^{1/}.

П.Г.Пустовойт, называя в числе лучших произведений последнего времени самобытные книги Фёдорова, добавляет: "Однако эти произведения заслуживают гораздо большего: их следовало бы вписать в определённый ряд современного литературного процесса. Здесь слово за литературоведами"^{2/}.

В критике и литературоведении шестидесятых годов появилось немало работ, освещающих отдельные стороны творчества Василия Фёдорова. Из них в первую очередь следует выделить серьёзные, заслуживающие особого внимания, статьи Б.Л.Сучкова^{3/}, П.С.Выходцева^{4/}, А.И.Овчаренко^{5/}, В.К.Панкова^{6/}, Б.Л.Леонова^{7/}, И.Л.Гринберга^{8/}, А.А.Михайлова^{9/}.

1. Русская советская литература. /Хрестоматия для десятого класса средней школы/. Составители С.Н.Громцева, П.Ф.Рошин, М., "Просвещение", 1972, стр.571-573.

2. П.Г.Пустовойт. Литература, критика, наука. — "Филологические науки", 1971, № 6, стр.77.

3. Б.Л.Сучков. Зрелость. — "Москва", 1962, № 3.

4. П.С.Выходцев. Повесть красоты человеческой. — "Молодая гвардия", 1971, № 5.

5. А.И.Овчаренко. Коммунизм — человек — искусство. — "Москва", 1970, № 6.

6. В.К.Панков. К седьмому небу. — "Знамя", 1969, № 2.

7. Б.Л.Леонов. Над небом — небо. — "Молодая гвардия", 1970, № 7.

8. И.Л.Гринберг. Вселенная и дом. — "Сибирские огни", 1960, № 7.

9. А.А.Михайлов. Пророчество Марьевской музы. — "Знамя", 1967, № 1.

Однако, как это ни странно, поэзию Василия Фёдорова открыли читателю не критики, а поэты и писатели. Положительно оценивая поэмы, вошедшие в книгу "Белая роца" /1958 год/, Владимир Солоухин с недоумением констатировал: "Эти поэмы печатались время от времени в периодической печати, и по мере их напечатания мы их обсуждали, говорили, что они интересны, хороши. Теперь, когда они все вместе собраны, мы видим, что действительно, это очень крупное явление. Но ведь, товарищи, в течение пятнадцати лет, когда человек в упорном труде шёл от одной поэмы к другой, критика должна была ему помочь. Однако за все эти годы ни слова не было сказано об этих поэмах. Критика просмотрела становление поэта Василия Фёдорова"^{1/}.

Об этом же говорили с трибуны первого Съезда писателей РСФСР Лев Ошанин^{2/} и Сергей Смирнов^{3/}. Высокую оценку стихам Фёдорова давал Михаил Шолохов^{4/}.

Длительное время Фёдоров работал не замечаемый нашей критикой. Он, как опытный садовник, терпеливо ухаживая за своими стихами-саженцами, дождался прихода своей весны. И долгожданная весна пришла. Саженцы дружно пробились к солнцу. Сейчас у поэта добротная пора сбора урожая и, как это водится у рачительных хозяев, — подготовки почвы для новых посевов. А урожай выдался отменный. Более тридцати книг — убедительное тому подтверждение.

Сегодня у поэзии Фёдорова много искренних друзей не только в среде писателей, но и в боевом лагере критиков, и, что особенно важно, — много почитателей его таланта в многомиллионной читательской аудитории. Его поэтические сборники не остаются незамеченными. Творчеству поэта посвящаются отдельные книги. К сожалению, первая монографическая работа о его поэзии

-
1. Первый съезд писателей РСФСР. Стенографический отчёт. "Советская Россия", М., 1959, стр. 486.
 2. Там же, стр. 165.
 3. Там же, стр. 418.
 4. См. об этом: В. Туркин. "За круглым столом "Дня поэзии-65", В кн.: День поэзии-65, М., "Советский писатель", 1965, стр. 77.

лишь частично достигла своей цели^{1/}. Поверхностен целый ряд её определяющих суждений. В ней не рассматриваются такие поэмы, как "Ленинский подарок", "Бетховен", "Аввакум". Очень робко и не всегда точно сказано о "Проданной Венере", почти совсем не затронут сборник стихотворений "Третья петухи" и поэма "Сельное небо".

Вторая книга о творчестве Фёдорова, принадлежащая перу И.В.Денисовой^{2/}, хотя и не лишена недостатков, но, по сравнению с первой, отличается более тонким пониманием структуры стихов и их достаточно точной принципиальной оценкой.

Несмотря на всё возрастающий поток критических статей, творчество этого самобытнейшего русского поэта^{3/} изучено недостаточно глубоко и недостаточно полно. Разговор критиков зачастую ведётся в облегчённо-описательном плане. Нет ещё ни одной работы, в которой бы рассматривался его лирический эпос во всех проблемных и художественных аспектах, с необходимыми обобщениями и систематизацией всего сказанного о нём. В этом смысле можно утверждать, что его поэтический опыт пока ещё не стал предметом серьёзного научного осмысления.

Мы предприняли первую попытку проследить творческий путь поэта, выявить особенности его поэтического мастерства, раскрыть проблематику его стихов, осмыслить наиболее типичные особенности его поэтической практики.

Основное внимание в диссертации уделено выявлению идейно-тематического и художественного своеобразия поэтических сборников Василия Фёдорова. Памятуя слова А.И.Герцена: "Жизнь сочинителя — есть драгоценный комментарий к его сочинениям"^{4/}, — мы соотносим текстологический анализ с фактами биографии писателя, его выступлениями в печати в качестве критика и литературоведа.

1. В.Еремин. Василий Фёдоров. "Советская Россия", М., 1969.
2. И.Денисова. За красоту времён грядущих. М., "Московский рабочий", 1971.
3. В.П.Друзин. Редакционное вступление. — В кн.: И.Денисова. "За красоту времён грядущих". М., "Московский рабочий", 1971, стр. 4.
4. А.И.Герцен. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. I. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 62.

В работе выделены проблемы и темы, важные, с нашей точки зрения для понимания главного в творчестве поэта. Художественные произведения исследуются в связи с историей развития поэзии и современным литературным процессом, в частности, в сравнительно типологическом сопоставлении с творчеством ведущих советских поэтов А.Твардовского, А.Прокофьева, Я.Смеякова, Б.Ручьёва, С.Смирнова. Нас интересовали также традиции русской и советской классики в творческой эволюции Фёдорова.

Всё сказанное определило структуру работы, в основу которой положен жанрово-хронологический принцип. Диссертация состоит из введения и трёх глав. Наличие обобщающих выводов после каждой главы позволило нам отказаться от традиционного заключения. К работе приложена библиография художественных текстов и литературоведческих трудов, связанных с темой.

Материалом для исследования послужили поэтические сборники Фёдорова, отдельные издания его очерков, повестей, поэм, стихотворений, статей, опубликованных в периодической печати, а также критическая литература о нём, его домашние архивы и наши беседы с поэтом.

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, дана оценка трудов предшественников, а также намечены цели и задачи исследования.

Первоначальную известность Василий Фёдоров получил как мастер больших поэтических форм, умеющий видеть и запечатлеть "эпическое состояние мира". Это обстоятельство послужило причиной выделения анализа поэм /кроме "Седьмого неба"/ в первую главу - "С т а н о в л е н и е т а л а н т а".

В ней обобщены основные факты трудовой биографии Фёдорова, проанализированы его ранние поэмы, начиная с "Лирической трилогии" и кончая "Бетховеном", в свете идейно-творческой эволюции художника и в тесной связи с литературным процессом 50-х годов.

Логика и последовательность развития художественного мастерства Фёдорова таковы, что замысел произведений проверяется им много раз и словно вырастает из всей предыдущей работы. Мимо-

лётные настроения, как капризные моды, часто меняются и не всегда верно выражают жизненную суть, а потому они и не удовлетворяют поэта. Эти особенности его творческой манеры, в первую очередь необходимые для поэта-эпика, а также великолепное владение всем богатством художественных приёмов объясняют причину обращения писателя к одной из самых сложных поэтических форм — поэме, содержание которой "составляет глубочайшее миро-созерцание и нравственные вопросы современного человечества"^{1/}.

Композиционнообразующей основой главы выступает главная тема всего творчества Фёдорова — тема красоты, истоки которой уводят в детские впечатления поэта. Его "малая" родина, Марьевка, расположенная на берегу древнего романтического русла, с задумчивым озером Кайдор, с ласковыми заливными лугами, за которыми расстились необозримые сибирские леса, тонущие в голубой дымке, заронили любовь к красоте, раскрывавшейся мальчику то в звонких красках летних цветов, то в суровой прелести снежных зим. С годами чувство прекрасного в поэтическом "миросозерцании" поэта обогащалось и усложнялось, наполняясь глубоким и широким философским осмыслением.

Наиболее самобытно тема красоты выразилась "в одном из самых заметных и серьёзных произведений последнего времени — "Проданной Венере"^{2/}. Что же такое красота? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо читать Фёдорова не только как поэта, но и как философа. В понимании красоты он вкладывает смысл гораздо больший, чем только физическое совершенство. Красота и красивое — понятия не всегда тождественные. Мы восхищаемся поведением Павла, защищающего право называться "чистым", и ненавидим внешне красивого Женьку Черемного, который дерётся "за право быть плохим"/"Первые слёзы"/; нас очаровывает своим мужеством Луся Ковальчук из одноимённого произведения и возмущает красивая мешанка из поэмы "Далёкая"; поэт называет прекрасным рябое лицо Стеньки Разина /"Аввакум"/ и "мордами" — холёные лица бе-

1. В.Г.Белинский. Полн.собр.соч. Т.УІ, М., изд-во АН СССР, 1953-1957, стр.415.

2. Б.Л.Сучков. Зрелость. В кн.: Литература и современность. Сб.З. М., "Художественная литература", 1962, стр.510.

лых офицеров, для которых "и ум и красота давно казались личными врагами" /"Дуся Ковальчук"/.

Красота будет нормой поведения человека будущего общества. Поэт уверен в этом. Поэтому и подход его к этой теме сугубо партийный, "Если политические и экономические идеалы будущего общества нами уже сформулированы, — отмечает он, — то идеалы красоты, идеалы нравственные, морально-этические ещё требуют разработки"^{1/}.

Разработкой идеалов красоты средствами искусства и занят поэт. Его лирический герой ведёт настоящее сражение со злом "за красоту людей живущих". Он прекрасно разбирается в искусстве, самозабвенно любит его. В поэме "Далёкая" музыка подкашивает ему дорогу к любимой девушке, в стихотворении "Неизвестная" он восхищается картиной Крамского, в "Проданной Венере" утраченная красота односельчанки заставляет его отправиться на поиски вечной красоты. За растрату красоты человеческих отношений поэт судит по самым высоким нравственным критериям. Чтобы не повторялись граевские судьбы, надо быть справедливыми, надо быть чуткими к людям. Такова правда поэта. Такова правда нашего времени.

Проблема красоты рассматривается в диссертации в философском, социальном и эстетическом планах. Мы сочли необходимым polemизировать с её упрощенческой трактовкой некоторыми литературоведами и критиками. Так, многие, пишущие о "Проданной Венере", охотно и часто цитируют её ключевую строфу: "За красоту людей живущих, За красоту времён грядущих Мы заплатили красотой!", не до конца понимая о какой красоте идёт речь. Нередко критиками забывается первая часть этих афористических строк /"За красоту людей живущих"/. Адольф Урбан, например, считая, что "в борьбе за красоту будущего оправдываются малые и великие утраты"^{2/}, ложно истолковывает сущность поэмы в целом.

Нет, цель поэмы — в другом. Весь исторический путь советского государства свидетельствует о том, что оно всегда выступало против жертвенности и в военные, и в мирные годы. Мы за большую человеческую красоту /красоту граевых/ заплатили малой /ти-

1. В. Фёдоров. Поиск прекрасного. — "Литературная газета", 1959, 9 мая.

2. А. Урбан. Поэзия и публицистика. — "Звезда", 1967, № 5, стр. 203.

циановским шедевром/. Эта жертва была вынужденной обстоятельством той эпохи. О ней и повествует автор.

Для поэм Василия Фёдорова характерна несложная композиция, в основу которой положены события с острой захватывающей фабулой. Отметим, что источником стремления к простоте формы и стиля послужило тщательное изучение поэтом ленинских работ. Его интересовало в них не только содержание трудов вождя, но и то, как излагал свои мысли Ильич, "само сцепление слов". "Я заметил, — уточняет поэт, — что Ленин-оратор покоряет не формальными стилистическими приёмами, а логикой развития мысли и, я бы сказал, образом. Его речь всегда по-народному образна. Работа над "Ленинским подарком" дала мне как поэту очень много, хотя конструктивный рисунок поэмы прост. Она помогла мне потом написать другие поэмы, такие, как "Проданная Венера", "Белая роща", не прибегая к формальным сложностям" ¹.

Простота фёдоровских поэм не имеет ничего общего с упрощением. Включая злободневные проблемы современности и оригинально разрешая их, они представляют собой сложное явление в поэзии. И как звуки музыки нельзя без ущерба передать словами, так и лирические поэмы Василия Фёдорова невозможно перевести на язык прозы.

Ленинский подход к исследуемому материалу, ленинская методология анализа послужили Фёдорову отправной точкой и в разрешении таких сложных проблем, как национальное и интернациональное, традиции и новаторства, партийности и народности.

Особое внимание в главе уделено раскрытию фёдоровских приёмов создания характеров персонажей /диалог, монолог-размышление, речевая характеристика, особенности описания внешности героев, символика /. Немаловажную роль в художественной практике поэта играют ассоциативные планы, позволяющие избежать громоздких построений. В ассоциативном плане любой поэмы Фёдорова имеется центральный образ, проходящий через всю поэму. В "Золотой жиле" такой центр — образ кузницы; в поэме "Далёкая" и "Бетховен" — музыка; в "Проданной Венере" — живопись; в "Ленинском подарке" —

1. В. Фёдоров. Как это было. — "Литературная газета", 1970, 29 апреля.

красивые полусапожки; в поэмах "Обида", "Первые слёзы", "Белая роца" — природа.

Центральные ассоциативные образы, создавая дополнительный композиционный стержень, укрепляют образную структуру и стихотворную архитектуру произведений. Повествование в поэмах чаще всего ведётся от первого лица, но там, где оно приглушается, автор свои мысли и переживания вкладывает в уста героев. Причём, делается это настолько мастерски, что становится трудно отличить голос создателя от монологов персонажей. На конкретных примерах нами показано, как психологически убедительно и художественно совершенно раскрывается во внутренних монологах богатый духовный мир героев-тружеников.

В произведениях Фёдорова, как правило, имеются отступления-комментарии, в которых даётся авторская оценка происходящих событий и поведения персонажей /"поясняющую и анализирующую авторскую речь" Томас Манн вполне оправдано называл "самостоятельным художественным приёмом"¹/. Комментарии небольшие по объёму, да и не так уж часто встречаются в пределах одного произведения, но уж если автор вводит их в текст, то они без промаха бьют в цель. Когда же этот художественный приём носит обнажённо-дидактический характер, то это воспринимается как недостаток.

Творческая манера поэта всегда в развитии, она постоянно эволюционирует от простого к сложному. Эта тенденция прослеживается нами в "Проданной Венере", "Золотой жиле", "Дусе ковальчук", "Аввакуме", "Бетховене". Имея много общего с предыдущими поэмами, они вместе с тем вобрали в себя немало нового. Меняется сама образно-выразительная система обрисовки героев. Если в образах Павла /"Первые слёзы"/, Олега /"Обида"/, Егора /"Белая роца"/, отмечалась в основном обычность их характеров, то совсем иное дело в поэмах "Золотая жила", "Дуся Ковальчук", "Аввакум", "Бетховен". В них всё чаще и откровеннее начинает входить элемент гиперболизации, замешанный на дрожжах фольклора. Не случайно в этой связи обращение поэта к таким колоритным фигурам, как протопол Аввакум, легендарный казак Степан Разин, героиня революционного движения Сибири Дуся Ковальчук.

1. Т. Манн. Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. М., Гослитиздат, 1960, стр. 74.

В переключке веков минувших с нашим веком со всё большей опутимостью сказывается национальный характер поэзии Фёдорова. Автор как бы со стороны любуется силой, красотой, добродушием своих героев. "Как под левой бровью Волги вольный плёс, Как под правой бровью Дон играет в беге" - с такой величавой эпичностью показана внешность Степана Разина.

Эпизация лирических персонажей, к которым привёл путь поисков Василия Фёдорова, характерен не только для него, но и для А.Твардовского, В.Луговского, Б.Ручьёва, Е.Исаева... По справедливому мнению Л.К.Долгополова, этот процесс является "наиболее существенным и показательным для поэзии XX века"^{1/}.

В жанровом отношении поэмы Фёдорова намного интереснее и сложнее, чем это представлено критиками, затрагивающими эту проблему^{2/}. Попытка В.Милькова и М.Лашина, вместить их в прокрустово ложе однозначных жанровых определений ведёт к обеднению действительного богатства фёдоровских поэм. Правомернее в данном случае говорить лишь о преобладании в них тех или иных жанровых признаков. Так "Лирическая трилогия" тяготеет к романтической символике, "Марьевская летопись" и "Ленинский подарок" - к поэтическому очерку, "Обида", "Первые слёзы" и "Белая роща" - к лирической новелле, "Далёкая" и "Золотая жила" - к психологической драме, "Дуся ковальчук" и "Аввакум" - к трагедии, "Проданная Венера" и "Бетховен" - к глубоким философским обобщениям.

Все они свидетельствуют о богатых жанровых возможностях заключённых в поэме. Особенно это касается такого новаторского произведения, как "Проданная Венера", в которой условно-символические мотивы свободно сочетаются с эпическими обобщениями, лирическими миниатюрами, драматическими сценами, публицистикой. Использование в ней художественных приёмов, находящихся за пределами узко понятой достоверности, - следствие творческого под-

-
1. Л.К.Долгополов. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX - начала XX века. М.-Л., "Наука", 1964, стр.138-139.
 2. В.Мильков. Жизнь, искусство, любовь. - "Литературная Россия", 1963, 19 апреля; М.Лашин. Живое чувство родины.- "Дружба народов", 1966, № 3, стр.274.

хода поэта к изображаемому материалу. Такой подход к искусству как нельзя лучше отражает запросы нашего времени. "Мы за внимательное отношение к творческим поискам, — отмечал в Отчётном докладе Центрального Комитета партии XXIV съезду КПСС Л.И. Брежнев, — за полное раскрытие индивидуальности дарований и талантов, за разнообразие и богатство форм и стилей, вырабатываемых на основе метода социалистического реализма"¹.

Не все поэмы Фёдорова одинаковы по своим художественным достоинствам. Есть среди них и явно неудавшиеся, такие, как "За рекою Ключевой". Нет только в их многочисленной семье "глухонемых детей". Произведения его научились говорить с читателем и нашли постоянную прописку даже в самых "придирчивых душах". А такие добротню сделанные поэмы, как "Ленинский подарок", "Белая роща", "Проданная Венера", "Золотая жила", проникнутые глубокими раздумьями над проблемами человеческой жизни, полные неподдельной любви к родной земле и человеку, без всякого преувеличения можно признать принадлежащими к лучшему из того, что появилось за последнее время в советской литературе.

По нашему глубочайшему убеждению, поэзия Василия Фёдорова сильна гражданским пафосом. Трудна творческая дорога поэта — гражданина, но она одна из самых счастливых дорог. Вот почему в т о р у ю главу, посвящённую лирике, мы назвали "Т р у д н о е с ч а с т ь е г р а ж д а н и н а".

Фёдорова всегда отличала нерушимая верность ленинским принципам партийности и народности художественного творчества. Вся его сознательная жизнь, начиная с тринадцатилетнего возраста, когда он агитировал "ленинской правдой" в сельскохозяйственной аотели, до сегодняшних страстных выступлений в печати, с писательской трибуны и в непосредственном общении с людьми связана с ленинской партией. Живая и неразрывная связь с радостями и огорчениями трудовых людей планеты и коноплянкой, пощей на заре, щенком, прикованным на железную цепь, и одинокой, тонкой рябиной, дрожащей на холодном ветру, — характерная особенность его мировосприятия.

1. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, стр.89.

Во второй главе речь идёт о проблемах партийности и народности, традиции /на конкретных примерах прослеживаются традиции Некрасова и Маяковского в поэзии Василия Фёдорова/ и новаторства.

У Василия Фёдорова, в отличие от поэтической манеры его собратьев по перу А.Твардовского, А.Прокофьева, Я.Смеякова, Е.Винокурова, Е.Ручьёва, К.Ваншенкина, очень выпукло выделяется "высокий строй" поэзии, тот возвышенный стиль, который идёт ещё от од Г.Державина. Сам поэт подмечает эту свою особенность: "Хочу я в мир, не мною созданный, внести красивое, своё". И это удаётся поэту прежде всего через торжественную лексику, которая, переплетаясь с другими лексическими пластами, придаёт стихам свежесть и оригинальность. Наблюдения над лексическим составом фёдоровских произведений даёт нам основание утверждать, что они сознательно вводятся в текст. Это одна из отличительных особенностей его творческой манеры.

Неправы те критики, кто, заметив отдельные возвышенные выражения, делают вывод, что "иногда Василия Фёдорова увлекает соблазн говорить красиво"¹. И уж, конечно, это не плагиат "у Веневитинова, у Баратынского и других поэтов 20-х - 30-х годов прошлого века", как считает Б.Рясенцев². Возвышенная лексика, придающая стихам своеобразный романтический настрой, - несомненное свидетельство успешности творческих поисков поэта. В живой ткани произведения, в сочетании с другими речевыми пластами, возвышенная лексика воспринимается вполне естественно, без неё значительно обеднилась бы поэтическая палитра Фёдорова.

Наиболее часто для создания поэтической энергии Василий Фёдоров использует художественный приём контраста, безотказно действующий и в поэмах, и в лирике. В некоторых случаях контраст принимает форму своеобразных оксюморонов. Например, "Не удивляйся, что умрёшь, дивись тому, что ты живёшь", "Загрущу, за-

-
1. В.Зайцев. О жанрово-стилевом многообразии современной советской поэзии. - Вестник МГУ, серия VII, № I, 1962, стр.22.
 2. Б.Рясенцев. "Сибирские огни", 1962, № I, стр. 181.

тоскую, если стану счастливым..." и т.п. В основе кажущейся парадоксальности лежит стремление художника слова глубже исследовать современность. Для Фёдорова "творчество - это процесс познания. Написать - значит познать"^{1/}. А отсюда - обилие в его творчестве философских размышлений.

Фёдоров известен читателю и как певец рабочего класса. Тема труда сближает его "музу в рабочей спецовке" со стихами Я. Смелякова и Б. Ручьёва. Однако, если Смеляков и Ручьёв сосредоточивают своё внимание чаще всего на формировании характера человека в труде /у Смелякова - это коренной городской паренёк, у Ручьёва - вчерашний сельский житель/, то у Фёдорова эта тема рассматривается в социально-эстетическом аспекте. Тема труда включает у него не только чисто физическую работу, скажем, в заводских корпусах, но и труд интеллектуальный - поэтов, композиторов, скульпторов, инженеров, художников. По мнению В.О. Перцова, у Фёдорова вообще "есть органическое чувство красоты индустриального мира - нашего мира индустрии для людей... У него получается даже больше изнутри, чем в прекрасной "строгой любви" к этому миру у Смелякова"^{2/}.

Широко и, как всегда, оригинально, в творчестве Фёдорова представлена тема любви. Его интимная лирика проникнута чувством глубокого уважения к любимой, звучит гимном её красоте. Поэт как бы приподнимает над обыденностью её умственные, душевные и физические достоинства. Возвышая красоту любви, поэт доставляет своей интимной лирикой высокое эстетическое наслаждение. "Романтизация индивидуальной любви, - писал А.М. Горький, - имеет глубокий культурно-воспитательный смысл - она выражает желание мужчины установить в отношении к женщине нечто отличающее двуногого самца от четвероногих"^{3/}. Помочь читателю увидеть красоту любви через здоровую чувственность - такова задача поэта, которую он блестяще выполнил в лирике.

1. В. Фёдоров. Поиск прекрасного. М., "Советская Россия", 1970, стр. 95.

2. В.О. Перцов. Поэты и прозаики великих лет. М., "Художественная литература", 1969, стр. 85.

3. М. Горький. О литературе. М., "Советский писатель", 1955, стр. 539.

Роль основного композиционного стержня второй главы выполняет образ лирического героя. Несмотря на то, что в последнее время появилось немало теоретических работ о лирическом герое^{1/}, а в 50–60-х годах прошла дискуссия по этой проблеме, всё-таки вопрос о лирическом герое остаётся неясным. Понятие "лирический герой", по мнению Л.И.Тимофеева, "ещё не в достаточной мере взвешено. У нас нет значительных работ, посвящённых этой теме, в трактовке проблемы много противоречий"^{2/}.

Не претендуя на последнее слово в решении этой проблемы, мы ставим себе конкретную задачу – исследовать своеобразие образа лирического героя в поэзии Фёдорова. Наблюдения над образом лирического героя говорят о тесной связи лирического героя с биографией и характером самого поэта. По стихам Фёдорова без труда можно исследовать его собственную биографию. Он с полным правом, как и Есенин, мог сказать: "Что касается остальных автобиографических сведений, – они в моих стихах"^{3/}. Схожесть судьбы автора со своим героем свидетельствует о большом таланте Фёдорова, ибо, как заметил А.Блок, "чем сильнее лирический поэт, тем полнее судьба его отражена в стихах"^{4/}.

Образ фёдоровского лирического героя, как и многие образы русской классической литературы, дан в развитии. Нами прослеживается процесс становления его характера /в ранних стихах он больше чувствует, чем мыслит, в дальнейшем же чувства героя опре-

-
1. В.Сквозников. Лирика. В кн.: Теория литературы. М., "Наука", 1964; Л.Я.Гинзбург. О лирике. М.-Л., "Советский писатель", 1967; В. Гусев. В середине века. М., "Советский писатель", 1967; В.Бузник, Лирика и время. М.-Л., "Наука", 1964 и др.
 2. Л.И.Тимофеев. Биография поэта и лирическое "я". – "Литературная газета", 30 октября 1962 года.
 3. С.Есенин. Собр.соч. в 5 тт.Т.5. М., "Художественная литература", 1968, стр.22.
 4. А.Блок. Собр. соч. в 8 тт.Т.5. М., "Художественная литература", 1960–1963, стр.514–515.

деляются его думами, достигается гармония чувств и мыслей/. На судьбе отдельной личности, "строящей жизнь по Марксу и Ленину", поэт силой поэтического искусства выявил истоки нравственного мужества советского человека. Характерные для героя широта взгляда, сила мысли и страсти, партийная принципиальность и гуманизм интернационалиста, определяют интеллектуальный и нравственный облик передового человека эпохи. В типическом образе его как нельзя лучше отражено лицо нашего века. Все эти качества характера лирического героя в какой-то мере объясняют причину огромной популярности у читателя поэзии Фёдорова.

Таёжной благодатью и здоровым северным морозцем веет от пейзажной лирики Фёдорова. Читая её, воочию видишь, как озябшие берёзки прячут ноги в тёплые коврики из мхов и изумрудом искрится роса на головках перезрелой пшеницы; слышишь, как "ягода переспелая в тихий падает родничок" и трубный голос лебединой стаи зазывает в полёт домашних птиц. Природа одухотворена у поэта, и сама стремится к совершенству. И не "покорять" её надо, к чему ещё призывают некоторые "мыслители", а помогать ей, ибо природа — та же красота. Всё же истинно прекрасное не исчезает бесследно, а лишь переходит из одного состояния в другое. Такова чрезвычайно интересная мысль поэта — философа, нашедшая своё выражение не только в лирике, но и во всём, к чему бы не прикасалось его творческое вдохновение.

Фёдоров выработал свою манеру графического расположения стихов. Придавая каждому слову огромное значение, он для лучшего выявления смысла произведения, особенно важные в смысловом отношении слова выносит в отдельные строчки. Разбивкой стихов достигается самостоятельность каждого слова и особая чёткость интонации. Каждая строчка расчленённого стиха требует разных количеств пауз, отчего сами дольки звучат с большей или меньшей силой интенсивности. Ритм настолько сильно меняется, что стихи звучат как тонические. Постановка же выделенных слов под ударение и рифму делает поэтическую речь чрезвычайно выпуклой и полновесной. Построенные таким образом стихи, дополнительно проясняя изображаемое, звучат кратко, веско, энергично.

Сопоставляя ритмико-интонационный рисунок стихов разных

поэтов /Фёдоров - Есенин - Рыленков - Ручьёв /, мы отмечаем зависимость типа интонации от композиционного расположения стихов. Так, если повторы отдельных слов и словосочетаний /а для названных поэтов этот художественный приём типичный/ придаёт фёдоровским стихам ораторскую интонацию, то стихотворениям Есенина, Рыленкова, Ручьёва - песенную мелодичность.

Объясняется это тем, что поэтика названных авторов тяготеет больше к строфической интонации, в то время как у Фёдорова она построчная, опирающаяся на разные ритмические инверсии и "переносы" /enjambement /, придающие строфам ассиметричность^{1/}. Было бы, разумеется, ошибкой сводить всю многогранную фёдоровскую интонацию лишь к ораторской. Как отражение сложного мира, в стихах его перемежаются романтическое и реальное, патетическое и элегическое. Наряду с образами, очерченными графически чётко, встречается и прозрачный акварельный рисунок. Не чужда его поэтике и размеренная мелодичность /например, в стихотворениях "Восточный мотив", "Думал, прошлое не забудется...", "В небесах монотонные песни разлук", "Белая роза", "Осень" и т.п./.

В третьей главе - "Эпос красоты и мужества" - рассматривается одно из самых значительных и интересных фёдоровских созданий - романтическая поэма "Седьмое небо", над которой поэт работал с постоянным напряжением сил более восьми лет /с 1959 по 1967 год/.

Особое внимание в этой главе уделено анализу жанрового своеобразия поэмы, так как в системе критического анализа "Седьмого неба" именно жанровая специфика оказалась наименее изученным звеном. "Седьмое небо", - по верному определению В.П. Друзина, - это "конструкция особого типа, она имеет больший размах, чем просто поэма, и законы её композиции позволяют в подлинном единстве охватить и землю и небо"^{2/}.

В диссертации рассмотрены разные толкования писателями и литературоведами поэмы как жанра /наиболее выпукло они обозна-

1. Л.В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 2. Л., 1936.
2. В.П. Друзин. Проблема концепций. - "Октябрь", 1972, № 4, стр. 212.

чили у И. Сельвинского, ставившего во главу угла сюжет произведения^{1/} и Б.Рунина, который, защищая лирическую поэму, выступил против "повествовательной сюжетной поэмы" вообще^{2/}.

На наш взгляд, такое ограниченное понимание специфики жанра обедняет действительное многообразие эпических форм, сужает творческие возможности поэтов. Сейчас имеется много поэм, получивших широкое признание читателей, и с "последовательно развивающимся событийным сюжетом", и "без повествовательного сюжета". Сюжет в них, конечно, имеется, но он не трансформируется объективированными событиями и частными лицами, а образуется посредством движения мыслей и чувств автора. Именно это направление имеют ввиду некоторые критики /Б.Рунин, В.Сквозников, В.Гусев /, когда говорят о преобладании в поэзии 60-х годов лирического начала. Не отрицая правомерности такого суждения, мы отмечаем и другую существенную сторону, без которой не может существовать большая форма, — её эпичности. На эту мысль наталкивает нас появившиеся в последнее время "Суд памяти" Е.Исаева, "Свидетельствую сам" С.Смирнова, "Седьмое небо" В.Фёдорова и др.

Особенно отчётливо современная структура большой формы, сочетающая лирические и эпические возможности, нашла своё воплощение в поэме Фёдорова "Седьмое небо". В ней нами выделены и проанализированы две сюжетные линии. Первая — связана с трудной и интересной жизнью, жизнью — полётом к седьмому небу, главного героя — Василия Горина и его друзей: Марьяны, Бориса, Дины. Вторая — прочувствование и осмысление трудового и боевого пути социалистического государства от "страны телег" до покорения космоса. Созданная посредством "движения чувств и мыслей автора", вторая сюжетная линия представляет, по сути дела, "поэму без повествовательного сюжета". Таким образом, перед нами наглядно предстаёт произведение, сочетающее возможности двух видов поэм.

1. И.Сельвинский. Студия стиха. М., 1962, стр. 51.

2. Б.Рунин. "Законы" и "кризисы" жанра. — "Литературная газета", 1965, 26 августа.

Творчески используя богатейшие традиции русского классического и советского поэтического эпоса, Фёдоров предпринимает смелые поиски жанровых возможностей. Сопоставляя в жанровом отношении "Седьмое небо" с "путевым дневником" А.Твардовского "За далью — даль", мы приходим к выводу об их сходстве в способах применения автобиографических реалий и "синтетичности жанра".

Широта жизненного показа в "Седьмом небе" чередуется и переплетается с раздумьями о долге перед Родиной и перед своими землянами. Накал лирических страстей держит читателя в постоянном напряжении, заставляя его радоваться и возмущаться, размышлять и действовать, — словом, не оставляет его равнодушным. Лирический настрой поэмы подчинён в целом раскрытию содержания эпохи, способствуя тем самым большему объективированию образа времени. Всё это характеризует "Седьмое небо" как поэму лиро-эпического склада и роднит тем самым с "За далью — даль" А.Твардовского.

"Седьмое небо" отличается от поэм, принадлежавших одной типологической общности, — "За далью — даль" А.Твардовского, "Середина века" В.Луговского, "Признание в любви" М.Луконина, "Свидетельствую сам" С.Смирнова, — ярко выраженной символической, возвышенной романтикой и даже фантастикой, которые в сочетании и контрастах с конкретно-реальным изображением и высекают поэтическую искру, позволяющую привычно показать в "плоскости новизны"/ говоря о символической и романтичности "Седьмого неба", мы имеем в виду понятие не метода, а "романтического типа творчества", которое в разнообразных формах проявляется в любом методе/.

Условность, входящая в поэму, художественно всегда оправдана, ибо поэтический процесс, более чем другой, "не зеркально-мёртвый акт, а сложный...включающий в себя возможности отлёта фантазии от жизни"¹. Фёдоровская символика не имеет ничего общего с идеалистическим представлением о мире, но, будучи введённой в текст, помогает выразить, те человеческие ощущения, которые трудно передать другими художественными средствами, кроме поэтических. Смена различных мотивов в "Седьмом небе" — реалисти-

1. В.И.Ленин .Полн. собр. соч. Т.45, стр.125.

ческих и фантастических, романтических и символических, придающих стихам новизну восприятия, необычную динамичность и живописность, — это своего рода творческое согласование новых запросов эпохи с индивидуальностью поэта, нашедшее выражение в такой своеобразной форме.

Интересно решена в поэме и проблема главного героя. С одной стороны, он тяготеет к конкретной личности, несущей в себе элементы биографии создателя / отчего "Седьмое небо" с полным основанием можно назвать автобиографической поэмой/, а с другой, — отдаленится от авторского "я", вплоть до превращения его в эпический персонаж / Василий Горин /. Вот почему на наш вопрос о главном герое Фёдоров ответил: "Василий — это я, а Горин — это групповой портрет моих современников"¹.

Такое оригинальное решение вопроса о главном герое позволило автору с большей объективностью проникнуть не только в образ главного героя, но и в характеры второстепенных персонажей, так как они осмысливаются с двух позиций: авторской и Горина, который, находясь в сюжетном взаимодействии с остальными героями, не только высказывает свои мнения о них, но и активно участвует в разрешении различных жизненных вопросов: влияет на судьбу Марьяны, окрыляет земную Лину, помогает преодолеть барьер мещанства Борису; вместе с комиссаром взрывает самолёт, и он же совершает героический подвиг на немецком "Шторхе". На страницах книги Горин выступает двояко: в фабульных перипетиях — молодым человеком, а поступки, мысли и чувства его комментирует уже зрелый, "отмеченный сединами", человек, много повидавший на своём веку. Взаимное соотнесение этих дуполярных тенденций и придаёт образу Горина новаторский характер.

"Седьмое небо" — поэма характеров. Немногочисленные образы, выведенные в ней, даны в присущей людям сложности и противоречии. Двумя-тремя штрихами поэт даёт полную характеристику героям как центральным / Горин, Марьяна, Борис, Лина /, так и эпизодическим / безымянный комиссар, Силыч, Федя Зыков.../. Все характеры построены так, что дают полное представление не только о себе, но и об эпохе, в которой они действуют.

1. Запись беседы с Фёдоровым от 11 февраля 1972 года.

Работа над поэмой явилась для Фёдорова высшей школой поэтического мастерства. "Седьмое небо" не только вобрала в себя все новые достижения поэтической мысли, но и развила их. Ей в большей степени, чем ранним произведениям, присущ поэтический настрой, выраженный самыми разнообразными изобразительными средствами, сложной метафорической образностью, богатейшими ритмико-интонационными переборами, разного вида рифмовками, звукописью, ломкой стихотворной строки и т.д.

Вряд ли стоит специально говорить /это так очевидно/ о том, что поэт пользовался всеми известными ныне видами рифм /от составной и сложной, типа "Омой, омой его!" - "Ковчегом Ноевым", до самой традиционной "век"- "человек"/ и размеров. Следует также добавить, что рифмы в его стихах, как правило точные, совмещающие фоннику и графику; они звучные, поскольку нередко стоят в начале строки и требуют при чтении большего звукового напряжения; они разнообразны, ибо их местоположение в стихах строго неузаконено, а зависит от смысловой заданности. Для каждой новой идеи, темы, характеристики образа Фёдоров находит свежее решение. Слова В.Г.Белинского: "Для истинного поэта все размеры хороши, и он каждый из них умеет сделать приличным для избранного им рода стихотворений"¹, - без всякой оговорки можно отнести к автору "Седьмого неба".

Оставаясь верным лучшим традициям русской классической и советской литературы, используя "золотой запас" устного народного творчества, Фёдоров успешно предпринял смелые поиски в области стихотворных изобразительных средств и жанра. "Седьмое небо", широко раздвинув поэтические горизонты автора, знаменовало новый, более высокий этап его творчества.

Постановка первостепенных проблем века и их художественное разрешение, поэтическое осмысление исторического пути социалистической родины, создание психологически достоверного образа современника - всё это по праву обеспечило ей огромный успех и поставило её в один ряд с такими эпопеями, как "Середина века"

¹ В.Г.Белинский. Полн. собр. соч. Т.5, изд-во АН СССР. М., 1953-1957, стр.260.

В. Луговского и "За далью - даль" А. Твардовского. "Седьмое небо" относится к тем произведениям, в которых каждое новое поколение будет находить ответы на интересующие их проблемы.

Подводя итоги нашим наблюдениям над поэзией Василия Фёдорова, мы можем с твёрдой уверенностью сказать, что его творческие поиски увенчались убедительными победами, а отдельные неудачи были им успешно преодолены, как это и подобает большим поэтам.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Липо века /к вопросу о лирическом герое поэзии Василия Фёдорова/. Русская литература XX века. Советская литература. Учёные записки МГПИ им. В.И. Ленина. № 485, М., 1972.
2. Образ автора-повествователя в поэмах "Седьмое небо" В. Фёдорова и "За далью - даль" А. Твардовского /сопоставительная характеристика/ - Материалы совещания. М., МГПИ им. В.И. Ленина, 1972.
3. Весь сложный мир... - "В мире книг", 1972, № 9.

Л-42944 Подп. к печ. 28/XII-72г. Заказ 836

Тираж 180

Объем 1,5

Типография МГПИ им. В. И. Ленина